

КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОДИСКУРСА

Высоцкий Андрей Сергеевич

Северо-Восточный федеральный университет

им. М.К. Аммосова (Якутск)

Flenkop@gmail.com

CATEGORIES OF CASE IN RUSSIAN LANGUAGE AS AN OBJECT OF A LINGUISTIC DISCOURSE

A. Vysotsky

Summary: The article analyzes the linguistic discourse of the category of case in the mass media. The reasons for the formation of special grammatical concepts, their originality are revealed. Difficult variants of case forms are specified and characterized. The conclusion is made about the superficiality in identifying some case forms, while the article is designed for interaction with the mass media.

Keywords: grammar, linguistic discourse, mass communication, case, typology.

Аннотация: В статье рассматривается лингвистический дискурс категории падежа в средствах массовой коммуникации. Выявляются предпосылки формирования особых грамматических концепций, их своеобразие. Уточняются и характеризуются неоднозначные варианты падежных форм. Делается вывод о недостаточности оснований в выявлении некоторых падежных форм, статья при этом направлена на взаимодействие со средствами массовой коммуникации.

Ключевые слова: грамматика, лингводискурс, массовая коммуникация, падеж, типология.

Проблема типологии категорий грамматики была поставлена в науке значительно позже, чем вопрос о типах морфологии слова и типах формальных грамматических средств (показателей и способов). Тем не менее, за этот небольшой период сумела сформироваться достаточно устойчивая концепция понимания категории падежа как противопоставления двух или более конкретных падежей [1], при этом обязательным является содержание в падежах актанта [2]. Такое понимание разграничивает, с одной стороны, непадежные аналитические формы значений [3], с другой – бинарные оппозиции, один из элементов которых выражает, например, партитивность, посессивность [4].

Наша работа внутренне полемична по отношению к материалу [5], периодически распространяющемуся в Интернете. В ней неизвестный автор утверждает о существовании 15 падежей в русском языке, при этом некоторые «падежи» составляют всего несколько форм слов. Массовый коммуникант, к сожалению, не обладает достаточной компетенцией, чтобы объективно оценивать справедливость подобных концепций. Поэтому целью нашей работы является одновременно уточнение падежей, принятых академической грамматикой, и опровержение материала, взятого за образец наших суждений. Реализуя научные и просветительские функции, мы можем добиться значительного роста уровня всеобщей языковой грамотности.

Что такое падеж?

Сколько падежей в русском языке? Традиционная

грамматика отвечает: шесть. Но Интернет даёт нам плюрализм мнений, поэтому ответы разнятся. Почему так? Падеж в действительности – достаточно сложная категория в языке, разные ученые выделяют его по-разному, в разных языках он может пониматься по-разному. Впрочем, важно то, что разговоры о падежах имеют сверхзадачу, которая лежит вне лингвистики: чтобы бахвалиться языком либо, наоборот, выделить «чуждое славянскому языку финно-угорское влияние» и таким образом характеризовать русский язык как «не такой уж и славянский» [6].

Падеж – неоднозначная категория. Самый традиционный принцип – падеж должен выражаться внешне, окончаниями. Падеж должен быть у всех склоняемых частей речи. Падеж должен быть у всех склоняемых слов языка, то есть, если особая форма есть лишь у нескольких сущ., падежом это не считается. При таком подходе оказывается 6 падежей. Но давайте рассмотрим «дополнительные» падежи.

Звательный падеж

В русском можно до сих пор найти исторические формы звательного падежа. Сейчас он используется только в устойчивых оборотах, для архаизации, или в церковных текстах. Так, у слов мужского рода, которые оканчиваются на твердые согласные, будет окончание –Е (бог – боже!); у большинства слов на мягкий – окончание –Ю (царь – царю!). У слов женского рода с основой на твердый согласный будет –О (Жена – жено!); с основой на мягкий согласный будет –Е (княгиня – княгине!). Также старый звательный падеж на -И можно встретить в вы-

ражении “о Господи”.

Сразу отметим, что ни в праславянском, ни в древнерусском эта форма падежом не была, потому что встречалась только у существительных и только в единственном числе. В падежи её записывают только по традиции [7].

Некоторые люди ошибочно полагают звательный падеж именительным, только с несколько патетической коннотацией. Например, песня А. Байкалеца “Грешный человек” [8], Е. Летова “Иваново детство” [9], либо вообще имеют эту форму в псевдониме (“Славный друже Обломов” [10]). Впрочем, подобные замены стали происходить ещё более 250 лет назад. Так в текстах современных православных людей можно часто встретить “владыко”, хотя по идее такая форма чисто обратительная. Тем не менее, подобное явление мы встречаем ещё в 18 веке:

«Марк Аврелий видел, что природа вложила во всех людей ум, к обществу способный; отсюда усматривает он рождающееся понятие о вольности, ибо где токмо **владыко** и рабы, тамо нет общества».

Д.И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию (1777) [11].

Нечто похожее встречается и в других славянских языках. Например, в польском языке:

jeden **gościu** kupił pięć dużych działek w Szczakach – Один **мужиче** купил пять больших участков в Щаках.

Впрочем, старая форма из устной речи уже давно исчезла. Сейчас уже в ходу новообразования - звательные формы есть у имён с гласной -А в окончании (Людк!), также у ряда других слов (Мам! Ребят!). Есть и обратное, когда к слову с нулевым окончанием добавляют -А (Сына!).

Вероятнее всего, в живой речи новозвательная форма возникает в начале 19 века, потому что в его середине она уже проникает в письменную речь, правда используется только для имитации речи «простецов»:

«Что ж, **бать**, ты меня посылал на добычу; вон я мужика зарезал и всего-то луковицу нашёл».

Ф.М. Достоевский «Записки из мёртвого дома» (1862) [12].

«**Микит!** Не докличешься. Подите, что ль, кто из вас. **Акуль**, поди загони».

Л.Н. Толстой. Власть тьмы (1887) [13].

Местный падеж

Местная форма отвечает на вопрос «где?» Её можно найти у порядка 165 слов в русском языке (во рту, на ходу, в пыли, на корню). По общему правилу мы знаем, что после предлогов *на, в, при* в значении места, слово

стоит в предложном падеже и нормальным окончанием должно быть -Е (на столе, при дворе). Также окончание -У отличается, например, от окончаний дательного падежа:

Дать чему? – мёду Где? В меду

В местной форме на окончание падает ударение. Это отличает его и от дательного падежа, который совпадает по виду, и от предложного. На историческом уровне разница между ударением слов в дательном, предложном падежах и в местной форме объясняется так. Окончание -У дательного, -Е предложного и -У местной формы были по происхождению совершенно разными морфемами ещё в древнерусском языке, с разными так называемыми акцентными маркировками [14]. Для простого объяснения этого будет достаточно.

На самом деле, подобный падеж, который обозначает только местонахождение, достаточно часто встречается в языках мира, и обычно он должен использоваться без предлога. Приведём пример из латышского:

Я живу в Москве, в центре города – Es dzīvoju Maskavā, pilsētas centrā.

В латышском просто не существует предлога *в*. Вместо него тут всегда особое падежное окончание -Ā. Также ещё в древнерусском был возможен такой падеж:

И избршася з братья с роды своими, пояша по собе всю русь, і придоша; старейший, Рюрикъ, седе Новѣгородѣ, а другой, Синеусъ, на Бѣль-озере, а третий Изборьсть, Труворъ»

Повесть временных лет, под 860г. [15].

Обратите внимание, что он тут тоже используется без предлога. Но в наше время местным падежом зовётся только куцая форма на У-, о её происхождении и истории мы поговорим чуть позже.

Разделительный падеж

Выделяя такой падеж, мы говорим о нескольких значениях:

1. значение части от какого-то большого, потенциально неисчислимого целого: привезли бисеру, подай изюму, выпил стакан квасу.
2. Такие слова, которые заменяются количественно, обозначая меру или степень предмета, или его качества: Натереть до блеску, небольшого весу.
3. Отдельные обороты при отрицании: Ни слуху ни духу, и то отбою нет, без году неделя, без умолку.

Теперь посмотрим на другие языки. В современном

русском, в принципе, большинство этих форм можно не употреблять. А вот в финском языке разделительный падеж является полноценным, и не использовать его нельзя:

Налей мне воды – kaada minulle vettä; но

Налей мне воду – kaada minulle veden.

Такие фразы в принципе возможны, но семантически неверны. Вот пример из русского языка до 20 века, когда фразы с разделительной формой звучали совершенно нейтрально – петербургские записки начала 18 века:

А **хлебу** был недород велик: купили на Москве рожь четверть московскую по сорока алтын с гривною.

И.А. Желябужский. *Дневные записки (1682-1709)* [16].

И.С. Тургенев: «Кроме шёлку да бархату она ничего носить не хотела.

И.С. Тургенев. *Дворянское гнездо (1859)* [17].

Или вспомните известный портрет А.П. Чехова, о котором он писал: «Говорят, что и я, и галстук очень похожи, но выражение, как в прошлом году, такое, точно я нанюхался хрену!»

А.П. Чехов. *Письмо Хотяинцевой А.А. (23.03.1898)* [18].

Отложительный падеж

Отложительная форма отвечает на вопрос «откуда?» Её показатель – это тоже окончание -У, причем безударное (с миру по нитке, из лесу, от дому, с жиру, с тылу).

Также взгляните на застывшие формы, то есть на наречия: (отроду, сбоку, сверху, смолоду).

Пример отложительного падежа из венгерского языка:

Я вышел из лесу – Kijöttem az erdőből, причем az это не предлог из, а определённый артикль.

Отложительный падеж существовал в праиндоевропейском языке. Положим, его можно встретить в санскрите:

От жадности возникает гнев – Lobhāt krodnah prabhavati.

В латинском языке также был отложительный падеж, называется он «облатив», но к нему впоследствии достаточно сильно примешался творительный падеж, так называемый «инструменталис»:

Он выехал из Афин – Athenis discessit.

Направительный падеж

Собственно, здесь и констатировать нечего. Тут «выделяют» только два слова – «домой» и «долгой». Домой имеет явное направительное значение «в дом». Так, по фински домой тоже будет одним словом:

Talo – дом; taloon – в дом.

Или по-венгерски: Дом – ház; в дом – házba.

Называется этот падеж по-латыни «иллатив». Слово «долгой» нам сейчас кажется немножко мутным, хотя и его этимология не так уж хитра. Дол - это по-древнерусски «низ». Сравните «подол», «долина», или же такой пример из древнерусского текста:

Издну цркви w верза. и до долу. и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ.

Ипатьевская летопись, под 1175 [19].

То есть, «долгой» буквально означает «вниз».

Происхождение и история этих форм

Некоторым людям почему-то кажется, что если в языке возникла новая грамматическая категория, то она непременно должна была быть у кого-то взята. Что живой язык может развиваться в сторону и усложнения, им кажется почему-то экстраординарным. Поэтому самая популярная версия, откуда взялись «дополнительные» падежи - это заимствование из финно-угорских языков. Это можно понимать двояко:

1. Сами окончания были взяты у финно-угров;
2. Что была взята только категория, т.е. финно-угорские языки дали толчок к развитию таких форм в русском языке.

Рассмотрим сначала первое. Краткий ответ: ничего у финно-угров взято не было. Все окончания изменения в ударениях восходят напрямую к древнерусским формам. Сейчас в русском есть 3 типа склонения, однако же в древнерусском их было 5. Первое из этих склонений называется «с основой на US», потому что в праславянском они заканчивались на US (ледъ, тьргъ, домъ), а второе склонение с основой на OS (лѣсь, снѣгъ, городъ).

Рассмотрим склонение этих слов в древнерусском языке в единственном числе на двух примерах:

И.п. лѣсь - домъ

Р.п. лѣса - дома

Д.п. лѣсу - дому

В.п. лѣсь - домъ

Тв.п. лѣсьмъ - домою

М.п. лѣсь - дому

Как вы уже поняли, сейчас двух таких разных склонений у нас нет. В какой-то момент они слились в одно. А теперь посмотрим на склонение этих слов со всеми дополнительными формами в современном языке:

И.п. лес - дом

Р.п. леса, из лесу - дома, из дому

Д.п. лесу - дому, домой

В.п. лес - дом

Тв.п. лесом - домою

П.п. о лесе, в лесу - о доме, на дому

Полужирным начертанием выделены те окончания, которые остались из *OS* склонения, а подчеркнуты - из *US*. Всё стало на свои места. Склонение на *US* исчезло, но свои окончания оно передала некоторым словам и создала новые грамматические формы, те самые так называемые "дополнительные падежи". Каким словам из *OS* передались эти окончания и как набор этих слов расширялся - большой вопрос. Поговаривают, что это было связано с длиной слова и с ударением, но это не подтверждено.

Иные спросят: а откуда же слово «домой»? Ведь в древнерусском языке в дательном падеже было «домове». Тут примешалась чистая фонетика. В древнерусском языке действовал такой закон: конечная неударная гласная отпадает, если она не является единственным звуком морфемы. И вот по этому закону «домови» стало «домовь». Окончание старого дательного падежа всё равно в каком-то виде остаётся. Кроме того – звук [v'] может чередоваться с [j] в языках мира, потому что они оба являются т.н. полугласными звуками, ещё они оба мягкие. Сравните похожее чередование русское «живёшь» и польское «*zyjesz*». Таким образом «домовь» стало «домой», а вот по-белорусски до сих пор будет так же, как и по-древнерусски (дамоў, далоў).

Но у остальных форм - местной, разделительной и отложительной - с 12 века до наших дней динамика приблизительно напоминает функцию Гаусса. Наивысшей точкой оказался рубеж 18-19 веков. Почему дальше распространение форм приостановилось, точного ответа нет, но есть несколько гипотез. Нам кажется наиболее объективной следующая. Все эти новые грамматические формы не были свойственны церковнославянскому, а он оказывал в то время сильные влияния на формирование литературного стандарта, а тот, в свою очередь, оказывал все больше и больше влияния на разговорную речь и на представление о том, как же по-русски говорить «правильно». М.В. Ломоносов в "Российской грамматике" писал:

«Происшедшие от глаголов употребительнее имеют в родительном *у* и тем больше оное принимают, чем далее от славенского отходят, а славенские, в разговорах мало употребляемые, лучше удерживают *а*
Ломоносов М.В. «Историческая грамматика» (1764) [20].

То есть, смысл в том, что в церковнославянском форм на *-У* почти нет. В церковнославянском, как и в древнерусском, было 2 разных склонения: на *OS* и на *US*. Сравним стилистическую разницу, возьмём пример у русского лингвиста В.И. Чернышёва, начало 20 века:

«Церковнославянский только с *А*: святого духа, ангельского гласа. Но можно розового духу, прошлогоднего долгу, птичьего голосу».

Неспроста далее он жалуется, что «в современном

употреблении правильные формы родительного на *У* нередко подменяются новыми мнимо-грамматными формами на *А*» [21, с. 93]. Или, что «вероятно, в большинстве случаев мы видим плоды ложной корректорской грамотности... в наше время исправляются по современным ученическим грамматикам произведения наших классиков...» То есть можно судить, что к началу 20 века разные формы "дополнительных падежей" стали знаком просторечия, поэтому многие люди и стали их избегать. Следует отметить, что всё нами обозреваемое - это не нечто уникальное для русского, *OS* и *US* слились во всех славянских языках и везде это привело к разным последствиям. Скажем, поляки говорят:

W Moskwie – в Москве, *w lesie* – в лесу, но *w języku* – в языке, *pośrodku* – в середине, *w czerwcu* – в июне.

Отдельно скажем о категории местного падежа. Да, в праиндоевропейском языке её не было, но, с другой стороны, она очень явно себя проявляет в современном французском. Откуда же французы её взяли?

acheter de la viande et du pain – купи мяса и хлеба.

Категорию разделительности здесь выражают предлоги *de* и *du*. Чисто грамматически, можно сказать и без них, но это будет значить уже другое, положим, что вы просите купить всё мясо и хлеб в магазине.

Превратительный падеж

Идти в гости, избираться в президенты, брать в жёны.

Здесь некоторых смущает, что в этой конструкции форма именительного падежа встречается там, где синтаксически винительный. Впрочем, это обычная конструкция древнерусского языка, которая просто по аналогии продолжает порождать новый и никакого особого падежа здесь нет. В древнерусском категория одушевленности появилась далеко не сразу, поэтому старая конструкция «идти в гости» полностью аналогична нынешним «идти в Дубки», «идти в Сокольники». Также ср. «Брать в жены» и «идти замуж». Если бы в обоих случаях появилась категория одушевленности, мы бы говорили «брать в жён» и «идти за мужа».

Счетный падеж

Есть несколько слов, у которых форма со словом «два» выглядит иначе, чем просто родительный падеж:

Нет шага – два шага, нет часа – два часа, нет ряда – два ряда

По этому случаю тоже выдуман свой падеж. Впрочем, та форма, которая сейчас используется со словом «два», «три», «четыре», является остатком древнерусской формы именительного падежа двойственного числа, точнее, её слияния с родительным падежом. Что такое двой-

ственное число? Не будь двойственного числа, мы бы сейчас говорила «шаг-два шага», как по-польски:

Шаг – два шага, Krok – dwa kroki.

Лишительный, ждательный и прочие падежи

Остальные «падежи» конструируются достаточно просто: берётся любая синтаксическая конструкция, любое необычное управление глагола и утверждается, что это новый падеж. Так, «лишительный» падеж объясняет то, почему в некоторых случаях винительный падеж у переходных глаголов заменяется на родительный. По сравнению с 19 веком винительный падеж в этом случае употребляется чаще родительного. Да, это именно родительный.

Похожее с так называемым “ждательным” падежом. Просто глагольное управление называют отдельным падежом.

Заключение

Таким образом, мы охарактеризовали все так называемые «дополнительные» падежи. Часть из них действительно являются падежными формами (не реализованными, однако, в русском языке полностью), зачастую устаревшими и оставшимися в употреблении одного-двух слов, но другая часть строго грамматически не может называться падежами. Предпосылками формирования особых грамматических концепций являются нестандартные, за рамками школьной программы, случаи употребления словоформ, в связи с чем актуализируется вопрос о видоизменении преподавания русского языка. Различие оснований классификации позволяет построить несколько типологических классификаций языков в отношении категории падежа, что создает очередную проблему: соотнесение оснований классификации и построение многомерной типологии падежных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зализняк А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования / под ред. А.А. Зализняка. – Москва: Наука, 1973. С. 53-87.
2. Кибардина С.М., Смирнова Т.Н. Некоторые особенности реализации валентности глаголов в диалогическом тексте // Значение и функции языковых единиц разных уровней в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. тр. – Вологда: Изд-во ВГПИ, 1989. – С. 69-75
3. Куликова И.С. Введение в языкознание в 2 ч. Часть 1: учебник для академического бакалавриата / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. С. 127.
4. Рыбаков Михаил Анатольевич Грамматическая категория падежа как объект типологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. №3.
5. Пикабу: [сайт]. URL: https://pikabu.ru/story/15_padezhey_russkogo_yazyika_iz_nikh_tolko_shest_izuchayut_v_shkole_3451783
6. Уралистика: [сайт]. URL: <http://uralistica.com/forum/topics/fu-vlijanie-na-russkij-jazyk>
7. Реформатский А.А. Введение в языковедение // под ред. В. А. Виноградова. — Москва: Аспект Пресс, 1998. С. 124.
8. Байкалец А. Грешный человек: [сайт]. URL: <https://songspro.ru/1/Andrey-Baykalets/tekst-pesni-Greshnyy-cheloveche>
9. Летов Е. Иваново детство: [сайт]. URL: <https://www.gr-oborona.ru/texts/1056905915.html>
10. URL: <https://24smi.org/s/celebrity/4506-druzhe-oblomov.html>
11. Полное собрание сочинений Д.И. Фон Визина: Ч. 2. – Москва : в типографии Семена Селивановского; издание книгопродавца Салаева, 1830. С. 349.
12. Достоевский Ф.М. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 242 с.
13. Толстой Л.Н. Власть тьмы, или Коготок уяз, всей птичке пропасть : Драма в 5 д. – Санкт-Петербург : тип. Ф. Корпусова, 1911. – 96 с.
14. Норманская Юлия Викторовна Прасамодийское ударение: внутренняя и внешняя реконструкция // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2018. №56.
15. Повесть временных лет: сборник произведений литературы Древней Руси / - Москва: Эксмо, 2008. С. 208.
16. Желябужский И.А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 / Санкт-Петербург: тип. Имп. Рос. наук, 1840. - 314 с.
17. И.С. Тургенев. Дворянское гнездо. – Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1944. 212 с.
18. Чехов А.П. Письмо Хотяинцевой А.А., 23 марта (4 апреля) 1898 г. Ницца // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — Москва: Наука, 1974—1983.
19. Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом); Отв. ред. Д.С. Лихачев. - Ленинград: Наука, ленингр. отд-ние, 1987. - 492 с.
20. Ломоносов М.В. Российская грамматика Михаила Ломоносова. – Санкт-Петербург : Печ. при Имп. Акад. наук, 1757. – 210 с.
21. В.И. Чернышёв. Правильность и чистота русской речи: [Текст] : опыт русской стилистической грамматики. - Москва: URSS, 2010. - 262 с.

© Высоцкий Андрей Сергеевич (Flenkop@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»